

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

РОССИЯ на путях централизации

СБОРНИК СТАТЕЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА

1982

III

История

общественно-политической мысли

Д. С. Лихачев

Авторы рязанского цикла «Повестей о Николе Заразском»

Цикл рязанских «Повестей о Николе Заразском» не имеет единого автора. В основном он составлялся в течение почти двух столетий, продолжая дополняться описанием «чудес» и порождая различные редакции еще два столетия.

Изучение истории текста цикла сильно затрудняется тем обстоятельством, что существуют лишь поздние списки. Всего один список датируется XVI в. (ГБЛ, Волок., № 526), другие списки — их не менее ста — XVII и XVIII вв. Тем не менее положение небезнадежно. Центральная и лучшая из составных частей цикла — «Повесть о разорении Рязани Батыем» — в той или иной степени отразилась во многих произведениях русской литературы XIV—XVI вв., и по этим отражениям до известной степени можно судить о движении ее текста и текста некоторых других произведений цикла.

Цикл состоит из «Повести о перенесении иконы Николы Заразского из Корсуня», уже упомянутой «Повести о разорении Рязани Батыем», «Похвалы роду рязанских князей» (иногда включаемой в состав предшествующей повести), родословной попов, служивших у иконы Николы Заразского, и охватывающей то 335, то 389 лет, и двух «Коломенских чудес» иконы Николы Заразского, происшедших уже в XVI в. и так или иначе связанных с Коломной (с перенесением иконы в Коломну в 1522 г. и построением каменной стены в Зарайске в 1531 г.).

Некоторое указание на авторство первой из повестей рязанского цикла имеется в краткой части этого цикла — «Род служителей чудотворца Николы Заразского». Все «служители» церкви Николы Заразского в городе Заразске (переименованном в XVII в. в Зарайск) происходили из одного рода «служителя» Евстафия, который пришел «ис Корсуни с чудотворным Николиным образом». О сыне Евстафия «Евстафии втором» говорится: «сии написа Еустафей второй Еустафьев сын Корсунскова. На память последнему роду своему»¹.

¹ Все цитаты этого цикла рязанских повестей даются по изданию: Лихачев Д. С. «Повести о Николе Заразском». — ТОДРЛ, М.; Л., 1949, т. VII, с. 302 (в дальнейшем страницы указываются в тексте в скобках).

Что же «сии» написал «Евстафий второй»? Родословие, само собой разумеется, написать он не мог. Центральную повесть цикла — «Повесть о разорении Рязани», как мы увидим, написать он также не мог, так как повесть эта содержит признаки относительно позднего происхождения: там спутана хронология, погибшими в неравном бою с Батыем показаны князья, которые на самом деле умерли позднее, смешаны их родственные отношения — все это могло произойти не ранее XIV в., когда многое уже забылось, получило свое эпическое обобщение. «Евстафий второй» мог написать какой-то первоначальный краткий вариант «Повести о разорении Рязани Батыем» (см. ниже), однако, по существу, этот первоначальный краткий вариант был летописного характера и не связан с иконой Николы. Остается предположить, что «Евстафий второй» написал «Повесть о перенесении иконы Николы из Корсуня». Эта повесть сравнительно мало варьируется в списках (главное колебание в указании на тот город, через который прибыл Евстафий со своим семейством и иконой в Новгород из Корсуни: по одним данным, он проехал через Кесь, ныне Цесис Латвийской ССР, по другим — через Ригу). Предположение о том, что «Евстафий второй» написал именно «Повесть о перенесении иконы Николы», согласуется и с тем, что в самой повести «Евстафий второй» упоминает о самом себе: Никола является во сне «Евстафию первому» и говорит: «Астафие, возми мой чудотворный образ Корсунски, супругу свою Феодосию, и сына своего Остафия и гряди в землю Резаньскую» (с. 283). Язык этой повести весьма архаичен, лексический состав ее не противоречит тому предположению, что она была составлена в середине XIII в. Предположения о том, что род слугителей Николы Заразского был греческого происхождения, лишены основания. Корсунь в начале XIII в. имела, как известно, многочисленное русское население наряду с греческим и других национальностей. Заключается первая повесть цикла описанием гибели князя Федора Юрьевича «от безбожнаго царя Батыя на реке на Воронежи» и самоубийства его жены Евпраксии вместе с сыном их Иваном Посником. Этот заключительный эпизод первой повести повторен во второй — в «Повести о разорении Рязани Батыем», причем повторен он в сходных выражениях, что указывает на общий источник или на то, что вторая повесть, составлявшаяся позднее, заимствовала этот эпизод из первой.

Вероятнее всего первое предположение, т. е. что перед нами какая-то запись летописного характера. Дело в том, что в основной части второй повести — «Повести о разорении Рязани Батыем» — ясно проступает рязанская летопись. Под 1238 г. в Синодальном списке Новгородской I летописи, в той его последней части, которая в наиболее авторитетном издании, выполненном А. Н. Насоновым, определена как относящаяся к

первой половине XIV в.², читается рассказ, очень близкий к «Повести о разорении Рязани Батыем» и не содержащий анахронизмов, которых немало в окончательном, дошедшем до нас тексте «Повести о разорении Рязани Батыем». Это и есть, как нам представляется, древнейшая основа «Повести о разорении Рязани Батыем».

Впервые на сходство «Повести о разорении Рязани Батыем» со статьей Новгородской I летописи 1238 г. обратил внимание В. Л. Комарович³. Он считал, что в Новгородской I летописи сохранились остатки рязанского летописного свода Ингваря Ингоревича. Другой фрагмент этого свода читается в той же Новгородской I летописи под 1218 г., в нем описывается убийство рязанскими князьями Глебом и Константином своих родственников. Оба рязанских рассказа резко выделяются в спокойном изложении Новгородской I летописи своим обличительным пафосом, а с другой стороны, во второй повести и таким традиционным способом, отмечающим конец вставки, как фраза «Но на предлежащее возвратимся» (с. 75). Рязанское происхождение рассказа в Новгородской I летописи под 1238 г. о взятии Рязани Батыем ясно из того, что говорит о себе сам рассказчик: «И кто братье, о сем не поплачется, кто ся нас остал живых... Да и мы то видевше, устрашилися быхом» (с. 75). Косвенно указывает на рязанское происхождение рассказа Новгородской I летописи и то обстоятельство, что Рязань названа в нем просто «град» и даты подхода татар к Рязани, и ее взятия указаны совершенно точно: 16 и 21 декабря.

Итак, древнейшее ядро «Повести о разорении Рязани Батыем» имело летописный характер. В последующем «зрелом» тексте «Повести» эта летописная форма в какой-то мере сохраняется (например, формула «В лето 6745 ...», отдельные летописные приемы изложения и пр.). В древнейшем ядре «Повести о разорении Рязани» нет рассказа о Евпатии Коловрате, нет плача Ингваря Ингоревича, нет рассказа о смерти Олега Красного (явно анахронического)⁴, еще не все рязанские князья названы братьями вопреки исторической правде (см. с. 257—264), нет «Похвалы роду рязанских князей» и многого другого.

«Повесть о разорении Рязани Батыем» в дальнейшем отразилась в летописной «Повести о нашествии Тохтамыша на Москву в 1382 г.», в обеих ее редакциях (в редакции Симеоновской летописи и Рогожского летописца и в редакции Новгород-

² НПЛ. М.; Л., 1950, с. 5 (в дальнейшем указания на страницы в тексте в скобках).

³ В главе «Рязанский летописный свод XIII в.» большой академической «Истории русской литературы» (М.; Л., 1945, т. II, ч. 1, с. 74—77).

⁴ Олег Красный в «Повести о разорении Рязани Батыем» погибает в битве с войсками Батыя; на самом же деле он попал в плен и возвратился из Орды в 1252 г., умер же в 1258 г. (см. Лаврентьевскую, Симеоновскую, Воскресенскую, Никоновскую и другие летописи).

ской IV и Софийской I летописей)⁵. Обращает на себя внимание, что «Повесть о разорении Рязани» не повлияла на «Повесть о нашествии Тохтамыша» ни «плачем Ингваря Ингоревича», ни эпизодом с Олегом Красным, ни рассказом о Евпатии Коловрате, ни «Похвалой роду рязанских князей». Очевидно, что всех этих частей не было еще в «Повести о разорении Рязани», однако текст, повлиявший на «Повесть о нашествии Тохтамыша», вполне близок тому, который и сейчас читается в «Повести о разорении Рязани». Отсюда ясно, что в конце XIV в. «Повесть о разорении Рязани» уже существовала, но, вероятнее всего, без указанных частей.

«Плач Ингваря Ингоревича» появился в «Повести о разорении Рязани» под влиянием плача великой княгини Евдокии по Дмитрии Донском, читающемся в составленном в начале XV в. «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго»⁶.

Это «Слово», повлиявшее на «Повесть о разорении Рязани Батыем», само испытало в свою очередь влияние «Повести». В «Слове» отразилась «Повесть» без рассказов о Евпатии Коловрате и Олеге Красном, но уже с «Похвалой роду рязанских князей». Это, конечно, не значит, что «Похвала роду рязанских князей» была составлена только в это время. По своей литературной форме и идеалам княжеского поведения «Похвала» очень архаична и могла бы быть написанной еще в XIII в., тогда же, когда было написано близкое ей по духу «Слово о гибели Русской земли». Однако в соединении с «Повестью о разорении Рязани» «Похвала» появилась, очевидно, уже в это время — в XV в.

То же соединенное влияние «Повести о разорении Рязани Батыем» с «Похвалой роду рязанских князей» видим мы и в «Задонщине». Значит, и ко времени создания «Задонщины» (дата ее создания, впрочем, весьма спорна) соединение в одном своде «Повести» и «Похвалы» было налицо. Мало того, в «Задонщине» отыскиваются следы влияния рассказа о Евпатии Коловрате и плача Ингваря Ингоревича. «Задонщина», несомненно, составлена позднее «Повести о нашествии Тохтамыша». Отсюда можно предположить, что дошедший до нас состав и вид «Повести о разорении Рязани» с «Похвалой роду рязанских князей», плачем Ингваря Ингоревича образовался где-то в самом конце XIV или в начале XV в. — между созданием «Повести о нашествии Тохтамыша» и написанием «Задонщины». Неясен только вопрос о рассказе со смертью Олега Красного.

⁵ Лихачев Д. С. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем» в первой четверти XV в. — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, с. 9—22.

⁶ Адрианова-Перетц В. П. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». — ТОДРЛ. М.; Л., 1947, т. V, с. 78—81; Лихачев Д. С. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем», с. 19—20.

Возможно, что смерть Олега была присоединена к «Повести о разорении Рязани» именно в это время, тогда, когда нужна была некая патриотическая реабилитация Рязанского княжества и его князей.

В полном своем составе повлияла «Повесть о разорении Рязани» и на «Сказание о Мамаевом побоище» во всех его редакциях. Так же точно в полном своем составе отразилась она и в «Повести Нестора-Искандера о взятии Царьграда турками» конца XV в.

В XVI в. в связи с временным переносом в 1522 г. иконы Николы Заразского в Коломну рязанский цикл был дополнен двумя коломенскими «чудесами» явно коломенского же происхождения.

В XVII в. весь цикл «Повестей о Николе Заразском» подвергается различным переработкам. Цикл становится особенно популярен в связи с той ролью, которую сыграли Заразск и икона Николы в событиях Смутного времени⁷.

Характер переработок XVII в. резко отличается от характера переработок «Повестей о Николе Заразском» в предшествующие столетия. Если в XV и XVI вв. рязанский цикл объединялся, дополнялся новыми текстами, то в XVII в. текст перерабатывается целиком — и в стилистическом и в идеологическом отношении. Так появляются редакции, связанные с определенной средой или узкими назначениями (например, церковно-служебными). Появляются редакции «Стрелецкая» (составленная, очевидно, в Коломне⁸), редакция «Сказания», «Воинская», редакция «Русского временника», Проложная и пр.⁹

Один из списков пространного вида редакции «Сказания» заключается словами: «справил Ивашко иконник Калашников», но был ли иконник Калашников автором редакции «Сказания» этого пространного вида или простым переписчиком, сказать трудно.

По-видимому, необходимо признать, что наиболее «существенными» авторами в рязанском цикле были «Евстафий второй», тот, что создал первую повесть цикла, неизвестный автор «Похвалы роду рязанских князей» и тот автор, который на грани XIV и XV вв. создал окончательный текст «Повести о разорении Рязани Батыем» вместе с рассказом о Евпатии Коловрате, плачем Ингваря Ингоревича и пр. Все указанные авторы обладали незаурядными литературными способностями и высокими патриотическими чувствами.

⁷ В 1608 г. икона Николы была украшена Василием Шуйским, в 1610 г. заразский протопоп Дмитрий действовал против интервентов вместе с Пожарским.

⁸ В «Стрелецкой» редакции говорится, что образ Николы был принесен на Рязанскую землю «во град Коломну» (с. 369). Далее отмечается, что Зарайск отстоит от Москвы «120 верст», а от Коломны — 30 (Там же).

⁹ Лихачев Д. С. «Повести о Николе Заразском», с. 257—406.